

УДК 94(470):930

СИМВОЛ РЕВОЛЮЦИИ: «ОБРАЗ КЕРЕНСКОГО» В ИССЛЕДОВАНИЯХ Б. И. КОЛОНИЦКОГО

В. И. МЕНЬКОВСКИЙ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется оценка взаимовлияний фактов и символов в исследованиях Б. И. Колоницкого. Изучается символика как форма репрезентации власти, анализируется процесс превращения социальных, политических, идеологических, культурных мифов и симулякров в средство манипуляции общественным сознанием, а следовательно, в фактор конструирования реальности. Отмечается, что при взаимодействии с обществом власть использует политическую символику, стремится через политические символы добиться привлечения социума на свою сторону, продекларировать общность целей и задач, идентифицировать себя с выразителем общих чаяний и надежд, в том числе через властные персоналии, в результате представители властных структур становятся семиотическими знаками, с разной степенью достоверности, отражающими общность элитных и массовых стремлений, государственные политики превращаются, если им это удастся, в символы революции. Стремление к этому у революционной власти есть всегда, но далеко не всегда поставленную задачу удается реализовать, однако отмечается, что и в случае успешной реализации «символического проекта», и в случае его провала историк, изучая персональную символику, получает возможность глубже проанализировать многие составляющие революционного процесса. Символы особенно важны в переломные моменты истории, во время таких общественных потрясений и катаклизмов, как российская революция 1917 г.

Ключевые слова: революция; война; культ вождя; символ; репрезентация; А. Ф. Керенский; Б. И. Колоницкий.

СИМВАЛ РЭВАЛЮЦЫІ: «ВОБРАЗ КЕРАНСКАГА» Ў ДАСЛЕДАВАННЯХ Б. І. КАЛАНІЦКАГА

В. І. МЕНЬКОЎСКИ^{1*}

^{1*}Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, пр. Незалежнасці, 4, 220030, г. Мінск, Беларусь

Аналізуецца ацэнка ўзаемаўплыву фактаў і сімвалаў у даследаваннях Б. І. Каланіцкага. Вывучаецца сімволіка як форма рэпрэзентацыі ўлады. Аналізуецца працэс ператварэння сацыяльных, палітычных, ідэалагічных, культурных міфаў і сімулякраў у сродак маніпуляцыі грамадскай свядомасці і, адпаведна, у фактар канструявання рэальнасці. Адзначаецца, што пры ўзаемадзеянні з грамадствам улада выкарыстоўвае палітычную сімволіку, імкнецца праз палітычныя сімвалы дамагчыся прыцягнення соцыуму на свой бок, прадэклаваць агульнасць мэты і задач, ідэнтыфікаваць сябе з выразнікам агульных спадзяванняў, у тым ліку праз уладныя персаналіі. У выніку прадстаўнікі ўладных структур становяцца семіятычнымі знакамі, якія з рознай ступенню пэўнасці адлюстроўваюць агульнасць элітных і масавых імкненняў, дзяржаўныя палітыкі ператвараюцца, калі ім гэта ўдаецца, у сімвал рэвалюцыі. Імкненне да гэтага ў рэвалюцыйнай улады ёсць заўсёды, але далёка не заўсёды пастаўленую задачу атрымліваецца рэалізаваць, аднак адзначаецца, што і ў выпадку паспяховай рэалізацыі «симвалічнага праекта», і ў выпадку яго правалу гісторык, вывучаючы персанальную сімволіку, атрымлівае магчымасць глыбей прааналізаваць многія кампаненты рэвалюцыйнага працэсу. Сімвалы асабліва важныя ў пераломныя моманты гісторыі, падчас такіх грамадскіх узрушэнняў і катаклізмаў, як расійская рэвалюцыя 1917 г.

Ключавыя словы: рэвалюцыя; вайна; культ правадыра; сімвал; рэпрэзентацыя; А. Ф. Керанскі; Б. І. Каланіцкі.

Образец цитирования:

Меньковский В.И. Символ революции: «Образ Керенского» в исследованиях Б. И. Колоницкого. *Журнал Белорусского государственного университета. История.* 2018;3:102–109.

For citation:

Menkouski V. I. Symbol of revolution: «The image of Kerensky» in the studies of B. I. Kolonitskii. *Journal of the Belarusian State University. History.* 2018;3:102–109. Russian.

Автор:

Вячеслав Иванович Меньковский – доктор исторических наук, профессор; профессор кафедры истории России исторического факультета.

Author:

Viachaslau I. Menkouski, doctor of science (history), full professor; professor at the department of Russian history, faculty of history.
menkovski@bsu.by

SYMBOL OF REVOLUTION: «THE IMAGE OF KERENSKY» IN THE STUDIES OF B. I. KOLONITSKII

V. I. MENKOUSKI^a

^a*Belarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus*

The article analyzes scrutiny of the mutual influences of facts and symbols in the studies of B. I. Kolonitskii evaluation of symbolism as a form of representation of power, examines of the process of transformation of social, political, ideological, cultural myths and simulacrum into a means of manipulating the public consciousness, and, consequently, in the factor of constructing reality. When interacting with the society, the government uses political symbols, strives to attract the society to its side through political symbols, declare the community of purpose and tasks, identify itself, including through power personalities, the spokesman of common aspirations and hopes. Representatives of power structures become semiotic signs, with varying degrees of reliability reflecting the commonality of elite and mass aspirations. State politicians are transformed, if they succeed, into symbols of the revolution. The revolutionary government always has the desire to achieve this, but it is not always possible to achieve the task set. However, in the case of the successful implementation of the «symbolic project», or in case of its failure, the historian, when studying personal symbols, gets an opportunity to analyze more deeply the many components of the revolutionary process. The author to the conclusion that symbols are especially important in the critical moments of history, during social upheavals and cataclysms. The Russian Revolution of 1917 unconditionally refers to such historical events.

Key words: revolution; war; cult of the leader; symbol; representation; A. F. Kerensky; B. I. Kolonitskii.

Каждое новое поколение должно писать новую историю революции. Классики читателю начала XXI века недостаточно, нужны новые слова, новые образы, новые темы.

Б. И. Колоницкий

Формирование символа

Сразу после фактического падения российской монархии в феврале 1917 г. (формально Россия была объявлена республикой только 1 сентября 1917 г.) начинается прославление новых политических лидеров, таких как П. Н. Милюков, князь Г. Е. Львов, М. В. Родзянко. Однако фигуры всех претендентов на роль вождя были быстро затемнены образом харизматичного «революционного министра» А. Ф. Керенского, ставшего олицетворением Февраля: «Свержение монархии и распространение антимонархических настроений привели не к радикальному преодолению авторитарно-патриархальной политической культуры, а к ее мутации» [1, с. 136]. Общество сохранило веру в вождя и готово было наделять его чрезвычайными полномочиями. Культ вождя возник в результате взаимодействия и взаимовлияния активности самого А. Ф. Керенского, пропагандистов его культа и массовой аудитории.

Для Б. И. Колоницкого¹ обращение к личности А. Ф. Керенского и «культу Керенского» – совершен-

но естественный шаг при исследовании российского революционного процесса. Статьи, посвященные образам А. Ф. Керенского, он начал публиковать в 1991 г. В одном из интервью Б. И. Колоницкий говорил о том, что пишет книгу, которая посвящена культу А. Ф. Керенского, но не отождествляет себя с Керенским или с его противниками, хотя и отмечает: «Иногда к нему (А. Ф. Керенскому. – В. М.) современники и историки относились несправедливо. Это не значит, что я его собираюсь выставить рыцарем на белом коне, которым он не был»².

Еще один фактор, заставивший Б. И. Колоницкого обратить внимание на «случай Керенского»³, связан с «внепартийностью» и «надпартийностью» политика, его стремлением играть общенациональную роль. Историк неоднократно говорил о неприемлемости «партийных интерпретаций» исторических событий. По оценке Б. И. Колоницкого, в России постоянно появляются либеральные, монархические, троцкистские, национал-комму-

¹Борис Иванович Колоницкий – доктор исторических наук; профессор факультета истории Европейского университета в Санкт-Петербурге, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского института истории РАН. Преподавал как приглашенный профессор в Иллинойском университете в Урбане-Шампейне, Принстонском университете, Йельском университете и университете Тарту. Член редакционных коллегий журналов *Kritika*, *Revolutionary Russia*.

²Бунтман Е. Борис Колоницкий: «Общей концепции революции не будет» [Электронный ресурс]. URL: <https://arzas.academy/materials/1257> (дата обращения: 07.02.2018).

³Представляется целесообразным в данной ситуации обратиться к методологии *Case study* (термин не имеет точного перевода на русский язык, наиболее адекватный синоним «метод конкретных ситуаций»). Употребляем в рамках настоящей статьи термин «случай Керенского» в контексте анализа данного феномена в современной русскоязычной историографии российской революции.

нистические, антикоммунистические интерпретации Февраля и Октября. При этом многие «партийные» истории необычайно похожи друг на друга. Нередко копируется известная «школьная» схема описания событий 1917 г., при этом меняются лишь оценки событий и их участников. В этих условиях даже профессиональных неангажированных исследователей упрекают в том, что они служат неким политическим силам⁴. Историческая полемика зачастую протекает как битва исторических партий – либеральных, анархистских, националистических, православных. Можно утверждать, что юбилей революции не прекратит эту полемику, общая концепция не возникнет. Но есть более весомая вещь: качество этой дискуссии важнее достижения консенсуса⁵.

В авторской концепции революции особая роль отводится политическим символам, связанным с архаизацией общественного сознания и апеллирующим не столько к разуму, сколько к эмоциям. Б. И. Колоницкий отмечает: «Сфера рационального в такие периоды сужается, размывается, возрастает роль чувственно-эмоционального восприятия. Актуализируются архаические пласты человеческого мышления, для которых символ власти и сама власть – тождественные реалии» [2, с. 12]. Определяя значимость символов в политической жизни, Б. И. Колоницкий выделяет следующие их функции:

- демонстративную – подтверждает факт политических изменений;
- мобилизации и легитимации – в условиях ослабления правовой системы делает легитимным насилие;
- компенсаторную – замещает реальные общественные и политические преобразования;
- коммуникативную – транслирует адаптированные идеологемы;
- идентификационную – указывает на принадлежность к единому социальному целому.

Особое место в сакрализации и символизации политической жизни приобретали персональные символы, т. е. образы лидеров, демократических (народных) вождей. В 2017 г. была опубликована монография Б. Н. Колоницкого «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» [3], актуализирую-

щая ряд вопросов истории российской революции 1917 г. и вызвавшая интерес как у специалистов, так и у более широкой аудитории. Монография логично продолжила ряд исследований автора, связанных с революционными и военными потрясениями как ключевыми моментами российской истории начала XX в.⁶ Объединяющая составляющая всех текстов автора связана с семиотикой революции, т. е. с изучением значимости символов и знаков в революционном процессе, важности взаимовлияния революционной практики и символики, необходимости конкуренции акторов революции при генерации символов и борьбе за их монополизацию.

Монография «Товарищ Керенский...», как отмечает ее автор, посвящена прежде всего политической культуре революции, книга не претендует на создание новой биографии А. Ф. Керенского. Это труд не о политическом лидере, а о его культе. Уточнение жизнеописания А. Ф. Керенского не является главной целью монографии [3, с. 15]. Выбор объекта исследования обусловлен тем авторитетом, которым первоначально обладала эта личность: «Керенский был самым известным политиком среди левых и самым левым из известных» [4, с. 269]. Однако собственно политическая позиция не объясняет феномена А. Ф. Керенского. Его влияние во властных структурах было прежде всего следствием огромной популярности политика в стране. А. Ф. Керенский полностью отождествлял себя с Февралем, и его позиция была созвучна эйфорическим, восторженным, праздничным настроениям масс начального этапа революции. И характер, и политическая позиция «министра народной правды» были близки политической культуре народа [1, с. 130].

Особую восторженную атмосферу в российской столице и провинции, упоение масс от лицемерия вождей и в первую очередь А. Ф. Керенского отмечают как свидетели и участники революционных событий, так и современные авторы. Так, Ч. Мьевиль пишет: «Когда Керенский приезжал на фронт, солдаты бросали ему цветы. Они носили сиявшего от восторга вождя на плечах. Когда он призывал их пожертвовать собой, они отвечали согласием. Когда он взывал к ним: “Еще одно, последнее уси-

⁴Однако отметим, что фраза из этой же статьи «Историк не должен бояться упреков в том, что он льет воду на мельницы коммунистов и националистов» вызвала у нас целый ряд вопросов, связанных с встраиванием в единый ряд коммунистов и националистов и его оценкой национальных компонентов революции 1917 г. (см.: Колоницкий Б. Февральская? Буржуазная? Демократическая? Революция [Электронный ресурс] // Неприкос. запас. 2002. № 2 (27). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kolonik-pr.html> (дата обращения: 08.02.2018).

⁵Бунтман Е. Борис Колоницкий: «Общей концепции революции не будет»: интервью [Электронный ресурс]. URL: <https://arzamas.academy/materials/1257> (дата обращения: 07.02.2018).

⁶Figes O., Kolonitskii B. Interpreting the Russian Revolution: the Language and Symbols of 1917. New Haven; London : Yale Univ. Press, 1999; Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Нов. литератур. обозрение, 2010; Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012; Колоницкий Б. И. #1917: семнадцать очерков по истории Российской революции. СПб. : Изд-во Европ. ун-та в Санкт-Петербурге, 2017; Колоницкий Б. И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа». Март – июнь 1917 года. М. : Нов. литератур. обозрение, 2017.

лие – и наступит мир!» – они молились и плакали» [5, с. 167–168]. В. П. Федюк, в свою очередь, замечает: «У Керенского были те достоинства, которые помогли ему не только взлететь вверх, но и сравнительно долго удерживаться наверху. <...> Зритель поверил, что на сцене не артист, а Гамлет, или король Лир, или – вождь, который спасет страну в годину страшных испытаний» [6, с. 97–99].

Исследователь Л. Данилкин задавался вопросом: «Был ли это род массового идиотизма... или массы в самом деле отчаянно нуждались в “спасителе Петрограда”? <...> Люди 1917 года не были похожи на обычные версии себя самих» [7, с. 638–640]. В отношении А. Ф. Керенского «начинается настоящее помешательство, в него влюблены, кажется, все женщины отечества. Удивительно, как в стране без телевидения и радио меньше чем за месяц с момента отречения царя разносится слух о супергерое – молодом министре юстиции» [8, с. 687–688].

Отметим, что М. Зыгарь, из чьего текста приводится цитата выше, выражает благодарность за профессиональные советы при написании книги историкам, в том числе Б. И. Колоницкому. Анализируя процесс превращения оппозиционера в государственного деятеля революционной эпохи и ту роль, которую играла репрезентация его личной биографии, отметим, что А. Ф. Керенский и его сторонники разными способами напоминали людям о тех эпизодах, которые были пригодны для политического использования в 1917 г. Описание жизни, деятельности, страданий и подвигов революционного вождя стало одной из составляющих, превративших маргинальный культ «борцов за свободу» в официальный политический дискурс. Касаясь этой темы, Б. И. Колоницкий отмечает: «Дискуссии социалистов разного толка вокруг биографии Керенского, претендовавшего на роль вождя революции, в конечном счете способствовали утверждению политической субкультуры культуры подполья и, в частности, содействовали утверждению культа вождя, хотя одни признавали главу Временного правительства “истинным вождем”, а другие это отрицали» [4, с. 287].

Проявил себя А. Ф. Керенский как упорный, энергичный и жесткий политик, использовавший прессу, уговоры и угрозы, закулисное давление и публичные выступления. Когда в мае 1917 г. он занял пост военного и морского министра, была выработана особая риторика, в которой преобладало влияние революционной политической культуры, но ощущалась и имперская патриотическая, военная традиция. Образ «демократического министра» трансформировался в образ «вождя революционной армии» и, соответственно, милитаризовался.

А. Ф. Керенский облачился во френч и фуражку английского типа, в его приказах и публичных выступлениях стали звучать «железные ноты». Б. И. Колоницкий отмечает: «На фронте он появляется в гимнастерке и обмотках, но его повседневной формой стал элегантный френч (можно сказать, что Керенский стоял у истоков моды первых поколений советской номенклатуры – в 1920-е годы подобные френчи называли “вождевками”, а затем “сталинками”» [1, с. 131]. Такой стереотип, созданный А. Ф. Керенским, его сторонниками и временными союзниками, был востребован значительной частью общества, и именно в мае министр стал часто именоваться «вождь» [3, с. 382–383].

Следующий культовый шаг был сделан в июне, во время так называемого наступления Керенского, создавшему ему имидж не только самого популярного политического деятеля Февраля, но и олицетворения революции, ее символа. Популярные издания характеризовали министра как «Благородный символ благородной Февральской революции», «Солнце свободы России» [3, с. 477]. А. Ф. Керенский стал политическим символом новой России.

О том значении, которое социалистическая и революционная риторика и символика играли в пропагандистской подготовке наступления, свидетельствует и то, что ее стали использовать военачальники, пытавшиеся воодушевить свои войска. Будущий лидер белого движения генерал Лавр Корнилов с красным знаменем приветствовал военного министра Александра Керенского: «С красными знаменами в руках армия просит верить нам; если войска армии совершали подвиги и умирали, не зная за что, то ныне, когда мы деремся за счастье русского народа, армия пойдет вперед под этими красными знаменами революции и исполнит свой долг»⁷. Революционной риторикой были пропитаны и боевые приказы Л. Корнилова, которого сторонники прославляли как «революционного полководца». Именно такая репутация была важна для укрепления авторитета командующего в условиях революции.

Революционная политическая культура наделила вождя высшими моральными достоинствами и безграничной верой в его возможности. Б. И. Колоницкий подчеркивает, что опыт культурных форм прославления «вождя народа» весной – летом 1917 г. имел серьезное значение для последующей эпохи, потому что в ходе революции «под вопрос ставилась легитимность претензий кандидата на роль вождя, но не принципы легитимации через прославление вождя. <...> Сам принцип вождизма под вопрос не ставился» [3, с. 502].

⁷Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Неприкосновен. запас. 2017. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/6/kulturnaya-gegemoniya-socialistov-v-rossijskoj-revoljucii-1917--pr.html> (дата обращения: 06.02.2018).

Ниспровержение символа

Эйфория первых месяцев революции уже к лету 1917 г. стала уступать место разочарованию от не-реализованных надежд. Если в начале года столица и провинция были гиперполитизированы, то к осени общественные настроения стали совершенно иными. Продолжение войны, продовольственные затруднения, топливный кризис, нарастание преступности все в большей степени волновали городского обывателя, его интерес к политике угасал, люди целиком погружались в свои частные и семейные интересы [12, с. 102]. Б. И. Колоницкий в качестве индикатора общественных настроений приводит пример политической публицистики: «К осени 1917 года былой интерес к политическим брошюрам уступил место безразличию. Многие книжные магазины и склады были переполнены изданиями, которые никто не хотел покупать, и даже брошюры, распространявшиеся бесплатно, не были востребованы. Это было проявлением нарастания общей апатии, которая была важным аспектом политической ситуации кануна Октября» [9, с. 381].

Нарастающая деполитизация была своеобразным политическим ресурсом, который создавал условия для противников А. Ф. Керенского. Революция отдавалась на откуп радикалам, тем, кто хотел одномоментного решения накопившихся проблем и не готов был принимать во внимание объективную невозможность немедленного прорыва в «светлое будущее». Общество стало похоже на наркомана. Доза преобразований, полученных свобод, которая весной воспринималась как избыточное благо, уже к лету стала оцениваться как недостаточная. Хотелось новых инъекций, запас которых у власти не был бесконечным. Более того, власть стала ограничивать эту дозу, поскольку видела возможность возникновения опасных последствий. Свобода все стремительнее превращалась в анархию.

Сохранить курс на мирное развитие революции, обеспечить относительное общественное спокойствие и согласие стало практически невозможно. Политическая элита раскололась на сторонников установления диктатуры, которые не видели другого пути контроля над радикализирующейся массой, и сторонников углубления российской революции через ее маргинализацию и интернационализацию. Умеренные политики становились неудобными и для политических элит, и для масс.

Именно в таких условиях А. Ф. Керенский в июле 1917 г. возглавил правительство, и в этот период его популярность начала падать. Вождь не видел

возможности сохранить достижения Февраля без общественного консенсуса, он пытался искать компромиссы с «левыми» и «правыми», лавировать между ними, но тем самым только усиливал недовольство. Если в первой половине революционного года А. Ф. Керенский был символом надежды, то в новых условиях он стал символом разочарования. Трагедия политика заключалась в том, что, достигнув вершины государственной власти, он оказался чужим практически для всех реальных участников политического процесса.

В сохранении имиджа А. Ф. Керенского как «революционного вождя» элита больше не была заинтересована, а масса при российской авторитарно-патриархальной политической культуре всю вину в сложившейся ситуации возлагала только на вождя, вопрос о собственной ответственности за возникновение культа личности, о собственных заблуждениях, иллюзиях и ошибках не ставился [1, с. 137]. В «случае Керенского» повторился негативный опыт десакрализации монарха и монархии. По словам Б. И. Колоницкого, «мы встречаем буквально те же идеологические блоки. Прежде всего это миф о заговоре. Интернационалисты обвиняли Керенского в том, что он вместе с британскими и французскими империалистами готовит заговор против революции. Правые же утверждали, что германские агенты давно манипулируют революционным премьером, который уже фактически заключил перемирие с врагом, тайно сотрудничает с большевиками и т. п. Одновременно распространялись слухи о национальности и моральном облике революционного премьера: “еврей” Керенский, “сифилитик” и “наркоман”, устраивает оргии в Зимнем дворце» [10, с. 564].

Наиболее ярким проявлением десакрализации образа революционного вождя было возникновение всевозможных слухов. Б. И. Колоницкий выделяет три направления критики политического стиля Керенского: провинциальность, актерство и женственность. Образ А. Ф. Керенского всячески феминизировался. Молва утверждала, что А. Ф. Керенский спит на кровати императора. Образ министра, покоящегося на ложе царицы, оскорблял и сторонников монархии, и ее противников. Слух в дальнейшем трансформировался в образ А. Ф. Керенского, который спит на кровати императрицы, на белье императрицы, в белье императрицы. «Александр Федорович» трансформировался в новую «Александрю Федоровну»⁸. В октябре 1917 г., после захвата Зимнего дворца сторонниками большевиков, стал распространяться слух о том, что

⁸Колоницкий Б. Культурная гегемония социалистов в Российской революции 1917 года [Электронный ресурс] // Неприкосновен. запас. 2017. № 6. С. 98–99. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2017/6/kulturnaya-gegemoniya-socialistov-v-rossijskoj-revoljucii-1917--pr.html> (дата обращения: 06.02.2018).

глава Временного правительства А. Ф. Керенский бежал из Зимнего дворца, переодевшись в форму сестры милосердия.

О «силе и живучести» слухов можно судить по воспоминаниям Г. Боровика. Он брал интервью у А. Ф. Керенского в Нью-Йорке в 1966 г. Автор вспоминает, что реальный вождь «сильно отличался от того карикатурного Керенского, который был преподнесен советским людям коммунистической пропагандой. Все мы, например, были уверены, что, когда случилась Октябрьская революция, он бежал из Зимнего дворца в женском платье. Видимо, эта неправда жгла ему сердце и через 50 лет. Поэтому первое, что он сказал мне, было: “Господин Боровик, ну скажите там в Москве – есть же у вас умные люди! Ну не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!”⁹ Можно с уверенностью предположить, что слух возник благодаря феминизации образа А. Ф. Керенского в период революции, однако в этом случае весьма сильно ощущается воздействие культурного контекста эпохи Первой мировой войны. Сестра милосердия для солдат-фронтовиков стала символом разврата, «тылового свинства». Наряду с «мародерами тыла» и штабными офицерами, отсиживающимися вдали от передовой, сестра милосердия стала олицетворением легкомысленного тыла, забывающего о нуждах окопников [11, с. 118, 125].

На примере феминизации образа лидера можно выделить общие черты российской политической культуры имперского, февральского и октябрьского этапов. Властная надстройка менялась чрезвычайно быстро, правительства возникали и исчезали буквально в течении месяцев, но культурный архетип сохранялся. Массовое сознание было не в состоянии успевать за политическими переменами, позитивные и негативные смыслы оставались закрепленными за определенными символами, менялись лишь носители этих символов. Как отмечает Б. И. Колоницкий, «борьба за революционные символы между политическими силами разного толка... шла сразу в нескольких направлениях. Во-первых, политические партии стремились представить лишь себя истинными носителями данных символов. Во-вторых, различные политические силы выстраивали различную иерархию одних и тех же символов... в-третьих, ведется борьба за “правильный перевод” символов. Различные силы

выдвигают на первый план какое-то определенное значение данного символа» [2, с. 302]. Те акторы, которые сумели использовать в своих интересах стабильный символический арсенал, получили политическое преимущество в революционном процессе. Февраль и Октябрь базировались на едином культурном фундаменте.

Следует подчеркнуть, что Б. И. Колоницкий оценивал события 1917 г. в качестве единого революционного процесса задолго до того как подобная точка зрения стала преобладающей в российской историографии. Еще в 2002 г. он писал, что «следует осторожно противопоставлять Февраль и Октябрь. <...> В глазах многих современников Октябрь наследовал и развивал язык и символику Февраля, и именно это делало для них режим большевиков легитимным»¹⁰.

Отвечая на вопрос журнала «Нева»: «Явилась ли Октябрьская революция результатом деятельности кучки экстремистов или результатом неотвратимых исторических процессов?» – Б. И. Колоницкий отметил, что на его взгляд вопрос сформулирован некорректно и следует говорить о российской революции 1917 г., в ходе которой события осени этого года представляли собой лишь один из этапов. Для 2007 г. подобная позиция была новаторской. Характерно, что редакция журнала организовала виртуальный круглый стол «накануне 90-летия Октября (Великого Октября, революции, переворота)», т. е. споры тогда велись только вокруг этой терминологии, а особое (отдельное) место Октября практически никем из российских исследователей не подвергалось сомнению¹¹.

В ходе обсуждения монографии «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа “вождя народа” на международном форуме историков, философов и публицистов «К 100-летию Великой российской революции 1917–1922 гг.: провинция в эпоху системных кризисов», проходившем в Ульяновске в декабре 2017 г., Б. И. Колоницкий определил, что революция была завершена в тот момент, когда власть восстановила монополию на насилие. Этот аспект историк подчеркивал и в ряде интервью: «Революция заканчивается тогда, когда на основе легитимации и посредством авторитета, вновь устанавливается монополия государства на использование насилия и законотворчество»¹².

⁹Осипов С. Александр Керенский: «Не бежал я из Зимнего дворца в женском платье!» [Электронный ресурс] // Аргументы и Факты. 2010. № 23. URL: http://www.aif.ru/society/history/aleksandr_kerenskiy_ne_bezhal_ya_iz_zimnego_dvorca_v_zhenskoy_plate# (дата обращения: 07.02.2018).

¹⁰Колоницкий Б. Февральская? Буржуазная? Демократическая? Революция [Электронный ресурс] // Неприкосновен. запас. 2002. № 2 (22). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2002/22/kolonic-pr.html> (дата обращения: 08.02.2018).

¹¹Травин Д., Миронов Б., Колоницкий Б. и др. Октябрь. 1917–2007 [Электронный ресурс] // Нева. 2007. № 11. URL: <http://magazines.russ.ru/neva/2007/11/ok-pr.html> (дата обращения: 10.02.2018).

¹²Колоницкий Б. И. С большой долей уверенности могу предсказать, что в этом году у нас будет очередная битва партийных версий истории [Электронный ресурс] // Истор. экспертиза. 2017. № 4. С. 175–183. URL: http://istorex.ru/page/kolonitskiy_bi_intervyu (дата обращения: 08.02.2018).

В октябре 1917 г. А. Ф. Керенский был насильственно отстранен от власти. Ему уже не суждено было вернуться в реальную политику. Однако очередное временное правительство (Совет народных комиссаров во главе с В. И. Лениным), подвергая самого А. Ф. Керенского уничижительной критике, использовало апробированные при его власти методы прославления лидера. Образ А. Ф. Керенского вновь становится символом, но теперь этот символ выполняет новую функцию: слабому и неудачливому политику противопоставлялись победители, сильные личности (В. И. Ленин и А. Д. Троцкий как «революционные мачо»). Как подчеркивает Б. И. Колоницкий, культ А. Ф. Керенского в 1917 г.

нельзя сопоставить как социально-политический институт с установившимися позднее культами В. И. Ленина, А. Д. Троцкого и тем более И. В. Сталина. Но многие культурные формы прославления «вождя народа», найденные в этот период, впоследствии были взяты на вооружение, переработаны и развиты большевиками [3, с. 500]. Постоктябрьскую ситуацию можно характеризовать тем, что новые лидеры использовали тот механизм символизации образа революционного вождя, который создавался при Керенском, во-первых, для окончательного разрушения культа Керенского и, во-вторых, для формирования собственных культов.

Библиографические ссылки

1. Колоницкий БИ. Керенский. В: Актон Э, Розенберг УГ, Черняев ВЮ. *Критический словарь Русской революции: 1914–1921*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2014. с. 128–138.
2. Колоницкий БИ. *Символы власти и борьба за власть: к изучению политической культуры российской революции 1917 года*. Санкт-Петербург: Лики России; 2012.
3. Колоницкий БИ. *«Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа» (март – июнь 1917 года)*. Москва: Новое литературное обозрение; 2017.
4. Колоницкий БИ. Легитимация через жизнеописания: Биография А. Ф. Керенского (1917 год). В: Обатнин ГВ, Песонен П, редакторы. *История и повествование*. Хельсинки, Москва: Новое литературное обозрение; 2006. с. 246–278.
5. Мьевиль Ч. *Октябрь*. Мовчан АБ, Федюшин В, Беляков Т, переводчики; Горинова Н, редактор. Москва: Издательство «Э»; 2017.
6. Федюк ВП. *Керенский*. Москва: Молодая гвардия; 2009.
7. Данилкин Л. *Ленин. Пантократор солнечных пылинок*. Москва: Молодая гвардия; 2017.
8. Зыгарь М. *Империя должна умереть. История русских революций в лицах. 1900–1917*. Москва: Альпина Паблишер; 2017.
9. Колоницкий БИ. Печать и революция. В: Актон Э, Розенберг УГ, Черняев ВЮ. *Критический словарь Русской революции: 1914–1921*. Санкт-Петербург: Нестор-История; 2014. с. 376–383.
10. Колоницкий БИ. *«Трагическая эротика»: образы императорской семьи в годы Первой Мировой войны*. Москва: Новое литературное обозрение; 2010.
11. Колоницкий БИ. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны. В: Бруиш К, Катцер Н, редакторы. *Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох*. Москва: Новое литературное обозрение; 2014. с. 100–126.
12. Колоницкий БИ. Феминизация образа А. Ф. Керенского и политическая изоляция Временного правительства осенью 1917 года. *«Русская революция 1917 года: проблемы истории и историографии»: сборник докладов межвузовской научной конференции; 16 ноября 2012 г.; Санкт-Петербург, Россия*. Санкт-Петербург: ЛЭТИ; 2012. с. 91–103.
13. Круглый стол. Десять оттенков красного. *Нева*. 2017;11:164–185.
14. Figes O, Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London: Yale University press; 1999.
15. Колоницкий БИ. *#1917: Семнадцать очерков по истории Российской революции*. Санкт-Петербург: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге; 2017.

References

1. Kolonitskii BI. Kerensky. In: Akton E, Rozenberg UG, Chernyaev VY. *Critical dictionary of the Russian Revolution: 1914–1921*. Saint Petersburg: Nestor-Istoria; 2014. p. 128–138. Russian.
2. Kolonitskii BI. *Simvol'y vlasti i bor'ba za vlast': k izucheniyu politicheskoi kul'tury rossii-skoj revolyutsii 1917 goda* [Symbols of power and the struggle for power: to study the political culture of the Russian revolution of 1917]. Saint Petersburg: Liki Rossii; 2012. Russian.
3. Kolonitskii BI. *«Tovarishch Kerenskii»: antimonarkhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdya naroda» (mart – iyun' 1917 goda)* [«Comrade Kerensky»: an anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the «leader of the people» (March–June 1917)]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2017. Russian.
4. Kolonitskii BI. Legitimatziya cherez zhizneopisaniya: Biografiya A. F. Kerenskogo (1917 god) [Legitimation through biographies: Biography of A. F. Kerensky (1917)]. In: Obatnin GV, Pesonen P, editors. *History and Narrative*. Helsinki, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2006. p. 246–278. Russian.
5. Mievillie Ch. *October: the story of the Russian Revolution*. London: Verso; 2017. Russian edition: M'evil' Ch. *Oktyabr'*. Movchan AB, Fedyushin V, Beliakov T, translates; Gorinova N, editor. Moscow: Publishing house «E»; 2017.
6. Feduk VP. *Kerensky*. Moscow: Molodaya gvardia; 2009. Russian.
7. Danilkin L. *Lenin. Pantokrator solnechnykh pylinok* [Lenin. Pantocrator of solar dust]. Moscow: Molodaya gvardia; 2017. Russian.

8. Zygar' M. *Imperiya dolzhna umeret'. Istoriya russkikh revolyutsii v litsakh. 1900–1917* [Empire must die. The history of Russian revolutions in the faces. 1900–1917]. Moscow: Molodaya gvardia; 2017. Russian.
9. Kolonitskii BI. Pechat' i revolyutsiya [The Print and the Revolution]. In: Acton E, Rosenberg HS, Chernyaev VY. *Critical dictionary of the Russian Revolution: 1914–1921*. Saint Petersburg: Nestor-Istoriya; 2014. p. 376–383. Russian.
10. Kolonitskii BI. «Tragicheskaya erotika»: obrazy imperatorskoi sem'i v gody Pervoi Mirovoi voiny [«Tragic eroticism»: images of the imperial family during the First World War]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2010. Russian.
11. Kolonitskii BI. Obraz sestry miloserdiya v rossiiskoi kul'ture epokhi Pervoi mirovoi voiny [The image of the sister of mercy in the Russian culture of the First World War]. In: Bruish K, Katzer N, editors. *Bol'shaya voina Rossii: Sotsial'nyi poryadok, publichnaya kommunikatsiya i nasilie na rubezhe tsarskoi i sovetskoi epokh* [The Great War of Russia: Social Order, Public Communication and Violence at the Turn of the Tsarist and Soviet Epoch]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie; 2014. p. 100–126. Russian.
12. Kolonitskii BI. Feminizatsiya obraza A. F. Kerenskogo i politicheskaya izolyatsiya Vremennogo pravitel'stva osen'yu 1917 goda [Feminization of the image of AF Kerensky and the political isolation of the Provisional Government in the fall of 1917]. In: «Russkaya revolyutsiya 1917 goda: problemy istorii i istoriografii»: sbornik do-kladov mezhvuzovskoi nauchnoi konferentsii; 16 noyabrya 2012; Sankt-Peterburg, Rossiya. Saint Petersburg: LETI; 2012. p. 91–103. Russian.
13. Kruglyi stol. Desyat' ottenkov krasnogo [Round table. Ten shades of red]. *Neva*. 2017;11:164–185. Russian.
14. Figs O, Kolonitskii B. *Interpreting the Russian Revolution: The Language and Symbols of 1917*. New Haven; London: Yale University Press; 1999.
15. Kolonitskii BI. *#1917: Seventeen essays on the history of the Russian Revolution*. Saint Petersburg: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge; 2017. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.04.2018.
Received by editorial board 01.04.2018.